

ОН СТОЯЛ на посту в последнем логове Гитлера. Дневной свет бил на бетонную стену бункера, и чем больше он смотрел на шершавую поверхность, тем больше наминала она ему огромный лист бумаги. Сдав пост, он размашисто черкнул одну только строку: «Никулин с Камчатки». За ней стояло то, что мог видеть только он один.

Для Василия Никулина война началась с непосильного труда. Удаленность Камчатки от фронта ничуть не уменьшила нагрузку, выпавшую на всех, кто в тылу. Они, мальчишки из первого ремесленного училища Петропавловска, работали на судовой верфи наравне с мужчинами. Это только считалось, что они учились на судосборщиков. На самом деле фэзеушники махали пудовыми кувалдами столько, сколько хватало сил. Мальчишки равнялись на взрослых. Уже ни капли пота не оставалось в их щуплых телах, ватники, промокшие в самом начале, быстро высыхали. А мальчишки держались. Надо было. Рыбачьи суда ловили рыбу для тех, кто сражался за Родину, ни одно из них не должно было задержаться на берегу дольше положенного срока. В те годы рано мужали мальчишки.

В августе сорок второго Василий получил повестку из военкомата. С отцом Дмитрием Игнатьевичем они были призваны в один день и в один род войск — НКВД. И в один день разошлись военные дороги отца и сына Никулиных. Оба они охраняли тылы и особо важные объекты армии, но Дмитрий Игнатьевич оставался на Камчатке, а Василий в составе 72-го полка внутренних войск продвигался к фронту. Продвижение это не было стремительным для младшего Никулина, как хотела бы того порывистая молодая душа. Но чувство долга было превыше эмоций. Долг этот оставался один на один с бойцом Никулиным, а он, рядовой своей армии, зачастую выходил один на один с обстоятельствами.

Сопровождать грузы для фронта отбирали лучших. Маршрут был длинной всего в триста километров, до станции перегона. А состав — длиной с километр, множество вагонов с продовольствием, обмундированием, боеприпасами. Охрана — один боец. Надо было рассчитывать только на себя. Ни одного замечания не получил Никулин, все его составы приходили в назначенный пункт в полной сохранности. И только один Василий знал, что

было за этой безупречной военной работой: тщательный осмотр вагонов, проверка пломб в дождь и стужу, молчаливые разъезды, бег в неповоротливом тулупе за поездом, уходящим без предупреждения в темноту...

Военная судьба вела Василия так, что локоть товарища, особенно старшего и опытного, не всегда оказывался рядом.

гумне никого?» «Сказала — никого»... Сколько было таких разговоров, когда слушала и смотрела только бдительность. Бандиты выходили перед ними, поднимая руки, подмигивая на всякий случай: «Может, на самогонку сговоримся?». «Сговариваться нам не о чем».

Для каждого солдата наступает момент, когда предельно испытывается

Никулин с Камчатки

Это была особенность его службы. 105-й погранполк, где с мая 1944 года находился Никулин, охранял тылы 3-го Прибалтийского фронта. В составе маневренной группы, вступавшей в боевые действия только при чрезвычайных обстоятельствах, комсомолец Никулин очищал советскую землю от всякой нечисти — диверсантов, террористов, бандитов. Наши войска уже подходили к границе, а в советском тылу, на территории Белоруссии, враг сражался насмерть, сражался из-за угла. И каждый боец погранполков особого назначения зачастую выходил один на один с отребьем, вооруженным до зубов. У Василия Никулина, как у всех его товарищей, вырабатывалось чутье на обстоятельства. Уже ни шум леса, ни болотная топь, ни темь овинов, ни прохлада погребов, ни гостеприимство или настороженность хуторян, — ничто не отвлекало его от следа врага, тщательно схороненного.

«Что, мамаша, у вас там у стены?» — «Та то ж одежонка старая, сынок». «Сестренка, неужто на

все — сила, мужество, выучка. 105-й погранполк выступал в боевых порядках 1-го Белорусского фронта во время Берлинской операции, и 1 мая 1945 года его маневренная группа вслед за штурмующими вступила в рейхстаг. В одной из отдаленных комнат рейхстага Василий наткнулся на группу эсэсовцев. Он стоял с автоматом наизготовку перед ними и вдруг вспомнил, что сегодня — Первой. Эта мысль как бы удесатирила его силу, и это почувствовали фашисты — сложили оружие к его ногам.

Но последнюю строку в судьбе Никулина война дописала не здесь. В одну из ночей Василий стоял на посту в кабинете Гитлера. Имперская канцелярия тонула во тьме. И только в кабинете, где когда-то разрабатывались чудовищные планы фашистов, полыхал камин. Два парня, русский солдат и немецкий полицейский, несли свою службу. Немец вдруг завел разговор о силе гитлеровской армии. Василий слушал молча, ему вспоминался Карлхорст, подписание ак-

та о капитуляции и последующий торжественный прием союзников. Никулин весь тот день, с небольшими перерывами, стоял на посту и хорошо видел маршала Жукова, многих военачальников. Никулин молчал, а немец перешел уже на пафос. И тут Василий не выдержал:

— Сильна, говоришь, была армия у Гитлера? Только ведь я, русский солдат, нахожусь сейчас в его кабинете. — И подбросил дров в пылающий камин.

Через несколько дней, уже на посту возле бункера фюрера на бетонной стене, напомнившей ему громный лист бумаги, он размашисто черкнул: «Никулин с Камчатки». И поставил в этой войне свою точку.

А. ОВЧИННИКОВА.

НА СНИМКАХ: между этими фотографиями разница в сорок лет. Таким в мае 1945 года Василий Никулин штурмовал Берлин. А рядом — Василий Дмитриевич Никулин, заведующий архивным отделом Камчатского облисполкома.

